

Он — «машина, делающая деньги, — говорит о Иозефе его брат Томас, желчно прибавляющий: — Мне опротивела вся эта проклятая семейка!..» Времена изменились. Семья Бенда давно уже не едина в своих устремлениях. И Лида, пытающаяся укрепить семью и помирит братьев, ничего не достигает.

Томас полон мучительных поисков. Во время войны он жил в Америке и писал книги с призывами к абстрактной свободе, читал лекции, думая, что борется за освобождение чешского народа. Но, вернувшись на родину, он ничего не понимает: откуда у народа такая сила? «Хотя Томас никому не говорил об этом, он продолжал жить мыслью, что люди созданы для того, чтобы расчищать ему дорогу».

Третий брат, Карел, — врач, в годы фашистской оккупации помогал борцам Сопротивления и попал за это в концентрационный лагерь. Тем не менее он не становится сразу твердо и прямо на сторону народа. И Томас и Карел проходят трудный и медленный путь людей, которые отказываются поддерживать эксплуататоров, но поначалу не решаются бороться против них. Им мешают и иллюзии буржуазной демократии, шелуха слов о призрачной свободе и мнимой независимости, и семейные связи.

Перед Иозефом вопрос о выборе пути не стоит. Он так формулирует собственные взгляды: «Демократия — прекрасная вещь, пока ты сам ею управляешь и добиваешься, чтобы она служила тебе, но как только она оборачивается против тебя, тогда зачем она?» Демократия для него — возможность беспрепятственно эксплуатировать рабочих, наживать деньги, владеть средствами производства. Всякое покушение на буржуазную собственность — нарушение этой пресловутой демократии. И он готов предать и продать кого угодно и что угодно, лишь бы сохранить свое положение.

Благодаря выступлению Томаса в печати Иозеф приходит в Национальное собрание. Но постепенно Томас начинает понимать: его использовали в своих интересах другие люди — и брат, и американская журналистка Элинор Симпсон, и те, кто стоял за ними. Неудача его книги, личная неустроенность, эгоцентризм приводят Томаса к самоубийству. Он осудил и заклеймил все, что было дорого Иозефу. Он разрушил ложь буржуазного строя. Но у него не хватило сил понять правду нового общества.

Карел давно увидел, что пути его братьев бесплодны. Но он упорно пытался «подступать по-человечески». Он позволил Иозефу бежать из страны. А ведь Иозеф вернется только с новой войной, только на штыках интервентов! За свой завод он будет бороться до последнего вздоха.

В феврале 1948 года в Праге Карел понял, что такое гнев народа. «Гнев народа — явление не только политическое, но и глубоко человеческое. События глубоко задевали людей, и каждого по-разному... Ничто, ничто не существует само по себе, ничто не может быть понято вне этой борьбы». История семьи Бенда убеждает в этом и читателя, которого захватывают переживания героев, связанные с событиями, указавшими новый путь чешскому народу.

Образы рабочих-коммунистов, находящиеся как бы на втором плане романа, определяют развитие действия. Плавильщик стекла, ставший председателем Ко-

митета действия, Франтишек Крават говорит Карелу, не понимая его колебаний: «Есть только два сорта людей: те, кто работает, и те, кто заставляет их работать... стоит только раз навсегда уразуметь это, как все становится на свое место». То, что для Кравата само собою разумеется, догадывается Карелу Бенда ценою долгой и упорной борьбы с самим собой, с собственными предрассудками и иллюзиями. Гейм показал сложность и напряженность этой борьбы, показал пути, по которым Карел переходит на сторону народа, строящего новое общество.

Роман Гейма раскрывает мысли и чувства людей в годы рождения новой, социалистической демократии, новых социальных и человеческих отношений. Развитие образов романа показывает неотвратимость нового, неизбежность его победы.

В начале романа Карел возвращается из концентрационного лагеря вместе с другими узниками, истощенными, больными, искалеченными. Но они победили, потому что победило дело, за которое они боролись. Томас спрашивал тогда у Карела: «Откуда взялась у них эта сила?» — и сам себе отвечал: «...во всем этом — величие наших дней!..» Томас хотел написать роман об этом, однако такая задача оказалась ему не по плечу. С ней справился Стефан Гейм. Роман о семье Бенда стал романом о великих исторических событиях, о величии наших дней.

Н. Стальский

Коротко и прекрасно

Японские трехстишия. Хокку. Перевод с японского, вступительная статья и комментарии Веры Марковой. Москва, Гослитиздат, 1960. 255 стр.

Географическая карта Японии выглядит необычно.

Необычна эта слегка выгнутая гирлянда островов, как бы плывущая в просторах Тихого океана.

Береговая линия (особенно к югу) поражает своей изощренностью, обилием мелко выписанных деталей. Кажется, что природа, ощутив усталость от огромных компактных материков, решила

заняться более тонкой, филигранной работой.

Ту же тщательность моделировки, то же необыкновенное умение всматриваться в «малый мир» природы и человека можно обнаружить и в трехстрочной японской «хокку» — литературный жанр, единственный в своем роде.

Конечно, такое прямое соотношение между природой страны и ее поэзией очень произвольно. Это даже не гипотеза, а скорее тень ее, подобная тени стрекозы на воде. Но я не ученый, я только поэт. И пишу то, что чувствую.

Уже в 1954 году, ознаменовавшись со сборником «Японская поэзия», вышедшим в переводе на русский язык, я была покорена прелестью и краткостью хокку.

Впечатления, полученные мною однажды от хокку, расширились и пополнились теперь, когда передо мной уже гораздо более полный сборник «Японские трехстишия».

Еще с большей прелестью раскрылся передо мной (да и не только передо мной) совершенно своеобразный «микромир» японской поэзии. Наша русская поэзия, ни классическая, ни современная, не знает такой краткости. Наша поэзия более проста, более «многоструйна». Русское стихотворение иной раз напоминает бурный ливень. Японская хокку — одну каплю. Но в этой капле отражается поразительно много.

Вот одна из хокку классика японской поэзии, основателя целой школы поэтов, Мацуо Басё:

Широкий простор полей.
Нигде приметы для взора.
Жаворонки поют.

Здесь полная картина очень ранней весны. На полях еще ничего не возшло. Не видно ни человека, ни растения: от этого и нет «приметы для взора». Отчетливо просматривается даль. Пенне жаворонка дает ощущение высокого весеннего неба.

Десятки поколений должны были тренировать человеческий глаз, чтобы он за та-

кой краткий срок мог увидеть так много.

И здесь мне пришло на ум маленькое (по нашему счету, конечно) восьмистрочное стихотворение Фета. Второе четверостишие таково:

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

Эта картина русской зимы очень близка японской весне.

Изобретательность японских поэтов в описаниях природы поистине неисчерпаема.

Как разлилась река!
Цапля бредет на коротких
ножках —
По колено в воде.

(Мацуо Басё)

Какую светлую, незлобивую душу надо иметь, чтобы так сказать о цапле, чьи длинные ноги, глубоко погруженные в воду, превратились в «ножки». Сколько здесь любви ко всему живому.

Какая долгая жалоба!
О том, что кошка поймала
сверчка,
Подруга его печалится.

(Такараи Кисаку)

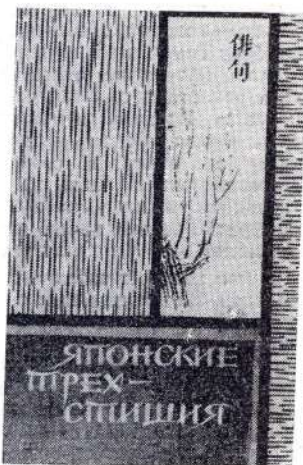
Здесь дело не в сверчке и его «подруге». Это трогательная любовь двух робких человеческих существ, раздавленных жестокой жизнью. Японская поэзия (по крайней мере такой она предстает перед нами в хокку) гуманистична и демократична.

Я наказал ребенка,
Но привязал его к дереву там,
Где дует прохладный ветер.

(Кобаяси Исса)

В сущности, это целый небольшой трактат о методах воспитания и о типе воспитателя.

В хокку отразилась любовь к природе и человеку, великое уважение к труду, дружелюбие, миролюбие.

По дороге не ссорьтесь,
Помогайте друг другу, как
братья,
Перелетные птицы!

(Кобаяси Исса)

Читая «Японские трехстишия», я испытывала большую благодарность к В. Марковой, так любовно переведшей сборник и снабдившей его отлично написанным предисловием. Предисловие это не только вводит нас в круг японской поэтики. Оно приближает к нам далекую Японию, помогает понять душу ее народа, истоки ее культуры, ее мироощущение.

Безошибочное (как это бывает в случаях с действительно удачными переводами) чутье говорит нам о том, что переводы Марковой хороши: точны и высоко поэтичны.

Что касается самих хокку, то, перефразируя известное выражение «коротко и ясно», можно о японских трехстишиях сказать: коротко и прекрасно.

Вера Инбер

Бертиль Булсон без грима

Ян Мюрдаль. Возвращение. Перевод со шведского Е. Суриц. Редактор Т. Гнедич. Москва, Издательство иностранной литературы, 1960. 140 стр.

После дебюта в 1954 году — романа «Возвращение» — Ян Мюрдаль выпустил несколько новых

книг. К его имени привыкают: настоящий художник и тяготеющий к сатире острый полемист, он не мог